

Изъ воспоминаній о генералѣ М. Д. Скобелевѣ.

Въ 1882 году, годъ смерти Мих. Дмитр., я былъ старшимъ полковникомъ въ лейбъ-гвардіи Волынскомъ полку, 3-ей гвардейской пѣхотной дивизіи, расположенной въ то время, какъ и теперь, въ Варшавѣ. Командиръ нашего полка Ст. В. Рыкачевъ, прекрасный и благороднѣйшій человѣкъ, лично храбрый, незадолго передъ тѣмъ отличившійся въ турецкой войнѣ, командуя при штурмахъ Плевны Вологодскимъ пѣхотныхъ полкомъ, онъ за отличіе былъ произведенъ въ генералы и назначенъ командиромъ нашего полка. Недостаткомъ его была—слабость характера, онъ постоянно колебался и переходилъ отъ одного мнѣнія къ другому и въ концѣ концовъ оставался всегда мнѣнія послѣдняго—докладчика у него въ кабинетѣ.

Въ то время у насъ въ полку, какъ и во многихъ полкахъ, расположенныхъ въ Ц. Польскомъ, среди офицерскаго состава, обрисовывалось не скажемъ двѣ партіи, а двѣ группы офицеровъ—нѣмецкой и польской національностей. Цѣль ихъ была общая, постоянно пропагандировать, что въ Россіи нѣтъ способныхъ людей, что лучшіе служащіе люди въ Россіи — это нѣмцы и поляки. Если случайно, во главѣ какой-либо части, оказывалось лицо одной изъ этихъ національностей, то непременно около него группировался свой кружокъ, на который онъ опирался и лицамъ которой оказывалъ свою протекцію.

Нашъ полкъ былъ особенно связанъ съ генераломъ Скобелевымъ.

Послѣ первыхъ неудачныхъ плевненскихъ штурмовъ въ 1877 г., Императоръ Александръ II рѣшилъ двинуть на театръ войны гвардію. Нашъ полкъ прибылъ первымъ изъ гвардіи въ окрестности Плевны. Когда мы еще двигались по желѣз-

нымъ и потомъ совершали переходы по грунтовымъ дорогамъ, то непрерывно встрѣчали транспорты больныхъ и раненыхъ. Трудно себѣ представить тотъ жгучій интересъ, съ которымъ мы разспрашивали возвращавшихся съ войны: что тамъ дѣлается, гдѣ наши войска, какая обстановка, какіе приемы употреблять въ бою, какія вещи съ собою брать и т. д. Но какъ раненые, такъ и больные, особенно дезинтерики, которыхъ, я помню, было очень много, отвѣчали вяло, равнодушно, какъ бы говоря:—я вотъ ушелъ и теперь тамъ все пропало. Но какъ только разговоръ касался Скобелева, даже истощенные дезинтерики приходили въ восторгъ отъ его храбрости, умѣнья управлять войсками, успѣховъ и отваги; видно было, что это уже былъ настоящій народный герой, что онъ уже успѣлъ захватить душу арміи, душу солдатъ въ свои руки и что они готовы съ нимъ идти куда угодно.

Участокъ нашего полка при обложеніи Плевны (Волинская гора впереди Картужабинскаго ущелья и рѣчки Чернетки) былъ рядомъ съ участкомъ войскъ генерала Скобелева. Намъ часто приходилось дѣйствовать совмѣстно, поддерживая другъ друга и задаваясь однѣми и тѣми же цѣлями.

Случалось довольно часто видѣть величественную фигуру Скобелева, спокойно объѣзжавшаго войска нашего отряда или скачущаго во весь опоръ на лѣвый флангъ къ отряду Ганецкаго (день сдачи Плевны 28 ноября 1877 года). Вотъ почему участники Турецкой войны, оставшіеся еще ко дню смерти Скобелева въ составѣ Волинскаго полка, были поражены смертью доблестнаго генерала. У меня явилась мысль, что нашему полку необходимо возложить серебрянный вѣнокъ на могилу Скобелева, и я отправился къ командиру полка просить разрѣшенія собрать общество офицеровъ, для обсужденія этого вопроса. Рыкачевъ въ тотъ періодъ былъ подъ вліяніемъ партіи нѣмцевъ и поляковъ и мое предложеніе принялъ не вполне сочувственно.—„Хотя я и не вполне раздѣляю ваше мнѣніе и восторги о Скобелевѣ, сказалъ Рыкачевъ, но разрѣшаю вамъ собрать общество г.г. офицеровъ и узнать его мнѣніе. Я не буду на собраніи“.

Общество было мною собрано и ему былъ предложенъ поставленный выше вопросъ. Вся масса офицеровъ держала себя спокойно, молчаливо, суетились и кричали только отдѣльныя личности и болѣе всѣхъ полковникъ Х. (нѣмецъ) и капитанъ А. (полякъ).

Должно признать, что за послѣднее время мы сдѣлали боль-

шой шагъ впередъ въ развитіи своего національнаго чувства и самолюбія. Въ настоящее время, я полагаю, общество самаго захудалаго армейскаго полка, расположеннаго въ самомъ глухомъ углу Россіи, не въ силахъ было бы спокойно выслушать ту невѣроятную оскорбительную клевету, которую говорили Х. и А. о Скобелевѣ и притомъ передъ свѣже раскрытой могилой и обществомъ одного изъ лучшихъ въ то время гвардейскихъ полковъ. Общество однако спокойно разошлось, постановивъ возложить вѣнокъ отъ полка на могилу почившаго.

Я пошелъ доложить о рѣшеніи общества командиру полка, который, не желая рѣшить самъ, поручилъ мнѣ доложить объ этомъ начальнику дивизіи.

Начальникомъ 3-ей гвардейской дивизіи въ то время былъ генералъ В. Д. Дандевилъ. Французъ по происхожденію, онъ и вся семья его были православные и по своимъ взглядамъ и убѣжденіямъ вполнѣ русскіе люди. Кромѣ того, онъ былъ большимъ поклонникомъ Скобелева.

Когда онъ узналъ въ чемъ дѣло, то выразилъ мнѣ свою глубокую благодарность за мое предложеніе и добавилъ:—Но у васъ прошло не такъ гладко, какъ вы рассказываете, вамъ таки пришлось порядочно повоевать съ Х. и А.—Оказалось, что ему были извѣстны уже всѣ подробности засѣданія и мнѣнія Х. и А.

Когда я выразилъ удивленіе, что они такъ нахально и открыто выражали свое дерзкое мнѣніе передъ всѣмъ обществомъ офицеровъ, онъ возразилъ:

— Не удивляйтесь, теперь во всѣхъ полкахъ нѣмцы соединились съ поляками, чтобы вмѣстѣ отстаивать свои интересы и вести борьбу съ русскими. Кромѣ того они имѣютъ сильную опору въ С.-Петербургѣ и здѣсь въ краѣ, а такіе командиры, какъ Рыкачевъ, имъ не опасны. Я васъ попрошу побывать теперь у Панютина. Тамъ вы встрѣтите совсѣмъ другой пріемъ, расскажите ему, къ какому рѣшенію вы пришли, сообщите, что я этому дѣлу очень сочувствую и что если всѣ полки дивизіи придутъ къ такому же рѣшенію, то я возьму это дѣло въ свои руки, и мы устроимъ чудные вѣнки.

Отъ Дандевиля я прямо отправился въ С.-Петербургскій полкъ, который былъ расположенъ лагеремъ на Мокотовскомъ полѣ. Мнѣ сказали, что генералъ Панютинъ въ лагерное время ежедневно обѣдаетъ въ офицерскомъ собраніи, вмѣстѣ со всѣмъ обществомъ офицеровъ, куда меня и направили. Когда я рассказалъ ему въ чемъ дѣло, онъ неожиданно поднялся во весь свой громадный ростъ и своимъ необыкновенно зычнымъ голо-

сомъ крикнулъ: шампанскаго. Когда всѣ встали, онъ сказалъ: „г.г., предлагаю тостъ за полковника Агапѣева, пришедшаго къ намъ съ прекраснымъ предложеніемъ“ и рассказалъ все дѣло, добавивъ: мы, конечно, господа, отъ волянцевъ не отстанемъ, и я прошу полкового адъютанта теперь же собрать мнѣніе всѣхъ офицеровъ. Черезъ полчаса къ концу обѣда полковой адъютантъ представилъ уже постановленіе общества офицеровъ о вѣнкѣ на могилу генерала Скобелева. Съ этими постановленіями Панютинъ отправился къ начальнику дивизіи.

Дандевиль былъ художникъ въ душѣ, хорошо рисовалъ и обладалъ большимъ вкусомъ. Когда всѣ четыре полка выразили желаніе возложить вѣнки на гробъ Скобелева, Дандевиль взялъ это дѣло въ свои руки, создалъ прелестные рисунки вѣнковъ, и они были отправлены съ депутаціей въ Рязанскую губернію на могилу Скобелева.

Штабъ 4 армейскаго пѣхотнаго корпуса и квартира корпуснаго командира Скобелева были въ Минскѣ, гдѣ онъ и проживалъ послѣдніе дни передъ смертью. Военнымъ начальникомъ въ Минскѣ былъ въ то время мой родной братъ, полковникъ И. Ер. Агапѣевъ, который, по приказанію Скобелева, исполнялъ обязанности коменданта въ городѣ и долженъ былъ почти ежедневно являться къ нему съ рапортомъ, что давало ему возможность хорошо познакомиться съ лицами, окружавшими Скобелева и составлявшими штабъ его корпуса.

Въ томъ же 1882 году, проѣздомъ изъ Москвы въ Варшаву, я остановился у брата въ Минскѣ и узналъ отъ него нѣкоторыя подробности о смерти Скобелева.

Извѣстно, что Скобелевъ отличался чисто русскимъ гостепріимствомъ и хлѣбосољствомъ. Намъ, волянцамъ, это было извѣстно еще подъ Плевной. Уѣзжая изъ Минска въ свою послѣднюю поѣздку въ Москву, онъ взялъ съ собою нѣсколько лицъ, служившихъ у него въ штабѣ, которыя каждый день у него обѣдали. вмѣстѣ съ нимъ, также пріѣхалъ въ Москву баронъ Розенъ, который, кажется, былъ командиромъ одного изъ полковъ въ 4 корпусѣ. По пріѣздѣ въ Москву, баронъ Розенъ узналъ, что Скобелевъ представилъ его къ очередной наградѣ и что онъ ее уже получилъ, почему и отправился съ утра на другой же день пріѣзда Скобелева въ Москву въ гостиницу „Дрезденъ“, гдѣ онъ остановился, чтобы принести благодарность и пригласить Скобелева съ его свитой на обѣдъ. Когда онъ былъ допущенъ въ номеръ къ Скобелеву, то засталъ его заказывающимъ старшему повару гостиницы обѣдъ для себя и свиты.

Заказъ былъ уже оконченъ, и поваръ собирался уходить. Узнавъ въ чемъ дѣло, Скобелевъ изъявилъ свое согласіе быть на обѣдѣ, предложенномъ Розеномъ, и сказалъ ему:

— Такъ какъ я только-что заказалъ обѣдъ на сегодняшній день, то вамъ нечего придумывать — другой; примите мой заказъ. Обѣдъ очень хорошій.—Такъ и было рѣшено обѣдать въ Дрезденской гостиницѣ.

Въ условленный часъ собрались на этотъ послѣдній обѣдъ Скобелева. Всего было человѣкъ 6—7; въ числѣ ихъ были: изъ пріѣхавшихъ со Скобелевымъ изъ Минска личный адъютантъ Скобелева г. Эрдели, военный врачъ Бернадскій, по національности полякъ, душой преданный Скобелеву и участвовавшій съ нимъ во многихъ его туркестанскихъ походахъ; былъ также прежній адъютантъ Скобелева Баранокъ, славившійся при военномъ министрѣ Ванновскомъ открытіями злоупотребленій по интендантской части и среди уѣздныхъ воинскихъ начальниковъ и находившійся въ то время въ составѣ чиновъ московской полиціи.

За обѣдомъ Скобелевъ былъ очень веселъ и разговорчивъ. Онъ проводилъ любимую свою въ то время мысль, что наша армія значительно лучше прусской. Иронически посматривая на барона Розена, онъ все доказывалъ, что война между нами и Пруссіей почти неизбежна, что *если волею Госудира Императора, онъ будетъ призванъ командовать арміей, то съ радостью и гордостью приметъ такое назначеніе и своею головою отвѣчаетъ, что прусская армія будетъ разбита, и мы побѣдимъ.*

Вся компанія послѣ обѣда отправилась въ „Яръ“ послушать цыганъ. Тамъ были замѣчены какіе-то обрывочные разговоры между Скобелевымъ, докторомъ и Баранкомъ, изъ которыхъ присутствующіе могли только заключить, что Баранокъ устраивалъ Скобелеву свиданіе съ какими-то женщинами.—„А та будетъ?“—спрашивалъ Скобелевъ. Баранокъ утвердительно кивалъ головой. Изъ „Яра“ вся компанія взяла извозчиковъ и поѣхала по Тверской обратно въ городъ. Извозчикъ Скобелева, при разслѣдованіи причинъ смерти Скобелева, показалъ, что генераль, сядя въ экипажъ, слегка покачивался и что было замѣтно, что онъ выпивши. Впереди поѣхалъ Баранокъ, за нимъ Скобелевъ, а затѣмъ и всѣ остальные. У одного изъ домовъ по Тверской Баранокъ остановился и подошелъ къ экипажу Скобелева, высадилъ его и повелъ въ домъ, затѣмъ, Скобелевъ остался въ домѣ, а Баранокъ вернулся, и всѣ вмѣстѣ продолжали свой дальнѣйшій путь въ городъ.

На другое утро Москва была поражена вѣстью о неожиданной смерти Скобелева.

Послѣ похоронъ всѣ бывшіе со Скобелевымъ въ Москвѣ и служившіе въ штабѣ 4 армейскаго корпуса возвратились въ Минскъ. Видъ ихъ былъ печальный и сконфуженный. Они были молчаливы и неохотно рассказывали о своемъ пребываніи въ Москвѣ. Видно было, что они чувствовали свою вину передъ русскимъ обществомъ, передъ всей Россіей въ томъ, что не умѣли сохранить отъ опасности и уберечь жизнь такого дорогого для государства человѣка, какимъ былъ Скобелевъ. Особенно обвиняли доктора...

Братъ мой жилъ тогда въ своемъ домѣ на Подгорной улицѣ. Рядомъ съ нимъ на углу жилъ начальникъ штаба 4 корпуса, генералъ Духонинъ. Какъ товарищъ брата по Дворянскому полку, Духонинъ просилъ брата позволить ему продѣлать изъ своего дома въ садъ брата калитку и пользоваться въ немъ прогулками. Въ томъ же домѣ, гдѣ жилъ Духонинъ, въ мезонинѣ нанимала комнатку классная дама Минской гимназій, молодая дѣвушка Головкина. Она, при встрѣчѣ со Скобелевымъ у Духониныхъ, у которыхъ Скобелевъ довольно часто бывалъ, очень ему понравилась. У Духониныхъ составилъ планъ женитьбы его на Головкиной, въ томъ вниманіи, что для народнаго героя самое подходящее жениться на бѣдной незнатной дѣвушкѣ, что это еще больше увеличитъ его популярность. Духонины, особенно мадамъ, очень покровительствовала и устраивала свиданія Скобелева съ Головкиной въ саду брата, въ хорошенькой бесѣдкѣ съ цвѣтными стеклами, которая до сихъ поръ существуетъ. О женитьбѣ Скобелева тогда же у насъ стали появляться рассказы (Невѣста, бѣлаго генерала). Почему это разстроилось, мнѣ неизвѣстно.

Петръ Агапѣевъ.

